

сторонников в молодёжной среде, в том числе среди пансионеров и студентов университета.

Н.М. Карамзин, возвратившийся из Симбирска в Москву и оказавшийся в числе сторонников и членов «Дружеского учёного общества» Н.И. Новикова, опять встретился с Александром Петровым, который к тому времени уже сотрудничал в «Обществе» и активно занимался переводами книг и статей. Дружба юношей возобновилась, и более того, Карамзин поселился вместе с Петровым в мансарде третьего этажа дома, купленного для Типографической компании в Кривоколенном переулке, и они стали жить вместе под одной крышей. Карамзин и Петров, занимаясь переводческой и другой литературной работой, активно и много помогали Н.И. Новикову. Общие интересы, увлечённость друзей знаниями, чтением и обсуждением книг сплачивали их, они искренне радовались успехам друг друга.

Александр Петров был для Карамзина на правах старшего, он был старше на 2–3 года и опытнее как литератор, давал ему уроки «литературного стиля и вкуса», оказывал на него благотворное влияние, помогал развитию в нём «чувства изящного». Николай Михайлович называл его «мудрым юношей, которого разум украшался лучшими знаниями человечества, которого сердце образовано было нежною рукою муз и граций». «В самых цветущих годах жизни нашей, – писал Н.М. Карамзин, – мы увидели и полюбили друг друга... Я нашёл в нём человека, которому мог открывать все милые свои надежды, все тайные сомнения; который мог рассуждать и чувствовать со мною, показывать мне мои заблуждения, и научать меня не повелительным голосом учителя, но с любезною кротостью снисходительного друга; – одним словом, я нашёл в нём сокровище...» По воспоминаниям И.И. Дмитриева, Петров «знаком был с древними и новыми языками, при глубоком знании отечественного слова одарён был глубоким умом и необыкновенною способностью к здоровой критике». Петров поощрял литературные опыты Карамзина, был первым его критиком, и «хотя замечал недостатки, однако же, по словам Карамзина, по снисхождению и нежности своей, ободрял меня в сих упражнениях». Привязанность друзей, любовь и уважение друг к другу продолжали крепнуть, хотя они и были не во всём сходны между собой характерами. Один из них был пылок, откровенен, более «чувствительный», без малейшей желчи, другой же угрюм, молчалив, с развитым чувством иронии и подчас насмешлив, он порой больно задевал самолюбие Карамзина, но «оба питали равную страсть к познаниям, к изящному, имели одинаковую силу в уме, одинаковую доброту в сердце». А.А. Петров был наделён даром литератора, но не стремился в популярные авторы, не добивался этого. Ему больше нравился, по словам Карамзина, «тихий круг читателей... нежели заботливое состояние Автора», хотя слог его был чистым, превосходным, как «зеркало тихой, стройной души...»

Ум, талант, увлечённость и удивительная работоспособность двух друзей были подмечены Н.И. Новиковым. Он, расширяя издательскую деятельность, поручает Н.М. Карамзину составление,

редактирование и выпуск журнала «Детское чтение для сердца и разума», который станет первым в России журналом для детского чтения, а А.А. Петров стал его соредактором. Карамзин и Петров, занимаясь редакционной работой, подготавливали разнообразный литературный материал к публикации: делали переводы, писали статьи на различные познавательные темы, рецензировали и рекомендовали для читателей-детей разного возраста книги на различные темы. Для друзей это была хорошая школа литературного творчества и приобретения журналистского опыта. В тот период Карамзин и Петров увлеклись учением западноевропейских учёных и философов, в том числе и швейцарского философа, поэта, протестантского проповедника И.К. Лафатера, автора ряда трудов по физиогномике. Так, например, он в своей книге «Физиологические фрагменты» пропагандировал учение, что предсказать и описать свойства характера и судьбу человека можно на основе анализа строения его тела и головы. Н.М. Карамзин не верил в эту теорию, считал её надуманной, но хотел получить от Лафатера ответы на ряд других философских вопросов, начал с ним личную переписку, что способствовало их обоюдному сближению, а впоследствии и дружбе.

Петров и Карамзин, увлечённые литературной работой, систематическим чтением, переводами, «вооружались» научными познаниями, которые подвергали сомнению учение масонов, с каждым днём оба охладевали к мистическим предрассудкам и к масонству, страстным пропагандистом которого был Н.И. Новиков. Это учение стало вызывать у молодёжи неверие и скептицизм, в рядах его сторонников нарушалось единство и согласие, а вскоре начались гонения на всякое вольнодумство и его приверженцев в России. Что касается Н.М. Карамзина, то его стали всё больше и больше интересовали труды западноевропейских просветителей, их учения. Этот углублённый интерес приводит Карамзина к решению совершить путешествие в Европу и увидеть своими глазами плоды просветительства. Друг его, Петров, поощрял серьёзные намерения Карамзина словами: «*Спеши, куда влечёт тебя стремление твоего духа, и возвратись к нам благополучно, с тем же сердцем, с которым от нас едешь!*»

Друзья тяжело переживали расставание. Прощание Карамзина с Москвой и любимым другом было трогательным, Петров провожал его через весь город «до заставы». Николай Михайлович описал этот майский день 1789 года с нескрываемой грустью и печалью: «*Там обнялись мы с ним, и ещё в первый раз видел я слёзы его; там сел я в кибитку, взглянул на Москву, где осталось для меня столько любезного, и сказал: прости! Колокольчик зазвенел, лошади помчались, и друг ваш осиротел в мире, осиротел в душе своей!*» Петров стоял на дороге и смотрел вслед умчавшегося дилижанса, и «платок долго белелся в руках его».

Н.М. Карамзин, двадцатитрёхлетний молодой человек, впервые совершал путешествие в европейские страны, посетил Пруссию, Саксонию, Швейцарию, Францию, Англию. Будучи в Швейцарии, Николай Михайлович постарался встретиться со своим корреспондентом – И.К. Лафатером,

встреча состоялась, они подолгу беседовали на разные темы. «Я всякий день бываю у Лафатера, – писал Карамзин, – обедаю у него и хожу с ним по вечерам прогуливаться. Он, кажется, любит меня, ласкает и расспрашивает иногда о подробностях жизни моей...» Тогда Лафатер и подарил Карамзину некоторые свои произведения, в том числе и рукописную книгу «Человеческое сердце», оставив на ней свой автограф.

Н.М. Карамзин, возвратившийся в декабре 1790 года из-за границы в Москву, в первую очередь спешил снова встретиться с А.А. Петровым, а увидев, не узнал его – друг был очень болен, находился, по выражению Николая Михайловича, в состоянии сильного «телесного и душевного расслабления». Об этой встрече Николай Михайлович вспоминал с тревожной грустью и характеризовал её такими словами: «...Спешил обнять поверенного души моей, воображая его приятное удивление, радость, но сердце моё замерло, когда я увидел Агатона. Долговременная болезнь запечатлела знаки изнеможения на бледном лице его. Огонь жизни простыл в его сердце». Несмотря на болезнь, Петров продолжал увлечение поэзией и для «Московского журнала», который с 1791 года начал выпускать Карамзин, дал для публикации одно из своих стихотворений с такими поучительными и назидательными для друга строками:

*«Старайся лишь в свой век любить добродетель,
К которой нас зовёт Натуры всей создатель;
Люби ты чтение, люби в науках свет:*

Нам счастливыми быть – иного средства нет...»

Лето друзья провели снова вместе, а зимой 1791 года А.А. Петров покинул Москву и уехал в Петербург, где жил и служил его старший брат Иван Андреевич, чтобы быть рядом с родным человеком. Перед отъездом Петрова Карамзин попросил И.И. Дмитриева, служившего в Петербурге и имевшего связи в некоторых кругах, помочь трудоустроить друга. Петров получил место коллежского переводчика в канцелярии её Императорского величества Екатерины II, которая незадолго до этого назначила кабинет-секретарём канцелярии поэта Г.Р. Державина. Дмитриев познакомился лично с Г.Р. Державиным в 1790 году, Гавриил Романович полюбил Дмитриева, ценил его поэтический вкус, даже «предоставлял ему право на исправление погрешностей» при подготовке к изданию своих стихов. Николай Михайлович, беспокоясь о друге, просил И.И. Дмитриева сообщить ему, «как расположен Г.Р. Державин к Александру Андреевичу». Карамзин и Петров продолжали дружескую связь через переписку и поддерживали тёплые отношения. В одном из писем к Карамзину А.А. Петров обратился к нему с просьбой: «Не можно ли подарить меня рукописным экземпляром поэмы «Человеческое сердце», за что бы я не остался неблагодарным». Николай Михайлович, желая сделать больному другу приятное преподнесение, под автографом автора книги написал: «Моему другу Александру Петрову. Москва 19 августа 1792 года. Николай Карамзин» и выслал книгу в Петербург.

Здоровье Александра Андреевича ухудшалось с каждым днём. В письме от 17 февраля 1793 года к И.И. Дмитриеву Карамзин писал с тревогой: «Не

можешь вообразить, в каком я беспокойстве об Александре Андреевиче. Ужель пришёл конец его? Эта мысль для меня слишком мучительна». Спустя некоторое время Николай Михайлович узнаёт с великим огорчением, что жизнь друга оборвалась. 21 марта Карамзин пишет Дмитриеву: «И так его уже нет! Одному мне известно, чего я в нём лишился – и сердце моё долго, долго не привыкнет к своей потере... Уведомь меня, где его погребли, и можно ли по чему-нибудь узнать его могилу».

Скорбя по другу, Н.М. Карамзин написал элегию, озаглавив её словами: «Цветок на гроб моего Агатона». История имени Агатон, которым Карамзин называл Петрова ещё с 80-х годов, состояла в следующем. Агатон – это герой одноимённого романа немецкого писателя эпохи Просвещения К.М. Виланда. Роман вышел в 1766 году. Главный персонаж этого произведения Агатон в своём сознании, в своих исканиях по жизни прошёл путь, по словам И.И. Дмитриева, от «мистицизма к скептическому мировоззрению». Дмитриев писал в своих воспоминаниях, что подобный же путь фактически проходили Карамзин и Петров, трудясь в Москве у активного проповедника масонства Н.И. Новикова. Именно тогда, когда «у обоих друзей наметилось разочарование в масонстве», Карамзин дал Петрову прозвище Агатон, которое и закрепилось впоследствии за ним.

Сколько душевных и трепетных слов было сказано Карамзиным о своём друге Агатоне, который ушёл из жизни тридцатилетним молодым человеком в самом расцвете молодости и таланта! В каждой строке его элегии сквозили самые тёплые слова о совместно прожитых годах с Александром, об их дружбе, творческих увлечениях, совместной литературной работе. «Свет был тогда чужд и мне и ему: ему ещё более, нежели мне, – писал Н.М. Карамзин, – но мы любили книги, и не думали о свете; имели немного, немногим были довольны, и не чувствовали недостатка. Прелести разума, прелести душевные казались нам всего полезнее – ими пленялись мы, ими в творениях великих умов наслаждались, и нередко за Оссианом, Шекспиром, Боннетом просиживали половину зимних ночей. В сем искреннем сообщении душ наших приобрёл я некоторое эстетическое чувство... Верный вкус моего друга, отличавший с великою тонкостью посредственное от изящного, изящное от превосходного, выученное от природного, ложные дарования от истинных, был для меня светильником в Искусстве и Поэзии».

Последний год они постоянно были вместе. «Всякий день, всякий вечер были мы вместе, – вспоминал Карамзин, – как будто бы предчувствуя, что сие лето будет последним летом дружбы нашей. Я спешил к нему с каждой новой книгой, с каждым новым творением ума человеческого; он спешил ко мне – с новыми мыслями, с новыми догадками, с новою любознательностью. Осень была печальна, зимой мы расстались – и расстались навеки!» А.А. Петров был большим авторитетом и примером для Николая Михайловича, друзья жили в Москве под одной крышей, делили между собой общий стол, вместе трудились, имели общие интересы, увлечения, общие жизненные устремления. Теперь же дорогого Агатона не стало, оставались лишь неизгладимая боль

утраты, грусть и воспоминания о потерянном друге. В посмертной элегии, посвящённой другу, Карамзин писал: *«Он не был ни богат, ни знатен – он был человек благородный по душе своей – украшенный одними достоинствами, не чинами, не блеском роскоши, – и сии достоинства таились под завесою скромности»*. Карамзин продолжал удивляться, что в России, *«в нашем холодном северном отечестве, где природа не весьма щедрою рукою рассыпает благие дары свои, родился и жил такой человек...»* Свою элегию Николай Михайлович закончил словами: *«Дражайший Агатон! Рука времени не загладит образа твоего в моих мыслях; всегда, всегда буду вспоминать о незабвенном друге: – ибо память твоя впечатлелась в существо души моей, и слилась с ея любезнейшими идеями и чувствами... Прости!»*

Ближайшими родственниками А.А. Петрова оставались только два старших его брата: Иван, у которого в Петербурге жил и скончался Александр, и Данило, проживавший в Вологде. Николай Михайлович писал И.И. Дмитриеву: *«Мне очень хочется иметь все бумаги покойного моего друга. Если хочешь обязать меня, то попроси их у брата его Ивана Андреевича. Надеюсь, что он сделает для меня это великое одолжение; а если не сделает, то я прошу его возвратить мне хотя одни письма мои, которые ни для кого не могут быть интересны. Ты можешь отобрать их и переслать ко мне через почту»*. Но И.А. Петров ответил И.И. Дмитриеву на эту просьбу отказом, сославшись на то, что все бумаги брата сжёг. Н.М. Карамзин, получив такое сообщение от Дмитриева, ответил ему: *«Благодарю за исполнение моей просьбы. Я доволен, что письма сожжены, но для чего г. Петров не хотел отдать их, не понимаю. Жаль мне, что я заставил тебя ехать к человеку не весьма учтивому; но ты очень обязал меня... Смерть Александра Андреевича помрачила душу мою на долгое время, но не прохладилась в сердце моём любви к оставшимся друзьям. Я очень люблю тебя»*. Иван Андреевич Петров, видимо, боялся за свою репутацию, так как брат Александр при жизни активно сотрудничал в Москве у Н.И. Новикова, а императрица Екатерина II начала решительное искоренение всякого вольнодумства в России, учиняя жестокие расправы. К тому времени Н.И. Новиков был уже арестован и находился в Шлиссельбургской крепости, другой вольнодумец А.Н. Радищев, сначала приговорённый к смертной казни, заменённой затем ссылкой, отбывал её в Илимском остроге.

Н.М. Карамзин, не получив возможности иметь бумаги друга, постарался в память о нём заказать у художника небольшой его портрет, о чём сообщил И.И. Дмитриеву: *«Силуэтер Герман сделал мне прекрасный силуэт Александра Андреевича, который я всегда ношу в кармане»*. Спустя несколько лет Николай Михайлович получил весть о том, что его заграничный друг и корреспондент И.К. Лафатер тоже сильно заболел. В письме к И.И. Дмитриеву от 4 июня 1796 года Н.М. Карамзин ему писал: *«Лафатер гаснет, как догорающая свеча, и не встаёт уже с постели: это меня очень тронуло»*.

Другой брат А.А. Петрова Данило раньше всех сотрудничал тоже у Новикова корректором и переводчиком в типографии. Он, по всей видимости, и устроил потом и своего младшего брата Александра на службу тоже к Н.И. Новикову. В последние годы Данило проживал в Вологде в доме отца. Н.Н. Малинина, автор современной публикации «Вологжанин А.А. Петров и Н.М. Карамзин», полагает, что Данило Андреевич, по всей вероятности, всё же сумел вывезти библиотеку своего умершего брата Александра из Петербурга в Вологду, в числе которой находилась и книга-рукопись И.К. Лафатера.

18 августа 1804 года в этом городе проходило торжество по случаю открытия Вологодской гимназии, на котором «Председатель Вологодской Гражданской палаты, статский советник Д.А. Петров принёс в дар гимназической библиотеке 116 книг на разных языках», в числе их были, по всей видимости, и книги из библиотеки умершего брата. Так в начале XIX века рукопись книги И.К. Лафатера «Человеческое сердце» оказывается, согласно журналу учёта книжных фондов, в библиотеке Вологодской гимназии, а в советские годы этот раритет перекочевал уже в фонды Вологодской областной библиотеки. По какому-то недосмотру или досадному недоразумению, а оценить это можно только так, книга-рукопись с собственноручным автографом Н.М. Карамзина попала... в макулатуру. Но, как часто бывает в захватывающих детективных романах, музейная редкость не пропадает, а благодаря неутомимым знатокам и поисковикам произведений культуры и искусства обнаруживается и становится народным достоянием. Так и эта книга-рукопись с именами исторических личностей, таких как И.К. Лафатер, Н.М. Карамзин и А.А. Петров, благодаря историку и писателю А.Л. Никитину в XX веке, к счастью, не попала под нож бумаго-резательной машины. Спустя столетия, преодолев тысячи километров, книга стала ценнейшим приобретением Московского музея А.С. Пушкина. Эта история ещё раз подтверждает когда-то сказанные слова, что книги, как и люди, имеют свою судьбу.

Вот и подошло к концу, уважаемые читатели, наше небольшое, но, думаем, поучительное и полезное историко-литературное путешествие во времени и пространстве. Мы проследили с вами воображаемые километры путешествия одной книги, полученной в дар Н.М. Карамзиным. Одновременно с этим мы познакомились с некоторыми моментами из жизни этого великого гражданина России, в сердце которого был источник добра, света, заботы и уважительного отношения к своим дорогим друзьям, одним из которых был вологжанин А.А. Петров. Современники Н.М. Карамзина, те, кому посчастливилось почувствовать теплоту его сердца, были благодарны этому, хранили память о нём и старались не забывать его рецепт человеческого счастья: *«чтобы быть счастливым, надо быть добрым»*.